

Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В.В. Виноградова

В статье рассматриваются функции единиц образной системы в создании научного стиля В.В. Виноградова. Описана образность базовых, фоновых и метафорических терминов. Проанализирована семантическая структура образа базового термина *стиль*, выявлены образные парадигмы концептов «язык», «речь», «стиль». Показана взаимосвязь научного мышления и метафорического стиля, роль устойчивых когнитивных метафор в создании, хранении и передаче прагматической информации и организации культурно-исторического контекста.

Ключевые слова: *словесная образность; метаязык науки; научный стиль; метафора; фоновый термин; В.В. Виноградов.*

Natalia V. Khalikova

Imagery and Metaphorical Space of the Term in the Language of Scientific Texts by V. V. Vinogradov.

The article considers the functions of the system of verbal imagery's in the creation of the scientific style of V.V. Vinogradov. The figurativeness of basic, background and metaphorical terms is described. The semantic structure of the image of the basic term «style» is analyzed, figurative paradigms of the concepts Language, Speech and Style are revealed. The article shows the relationship between scientific thinking and metaphorical style, the role of sustainable cognitive metaphors in the creation, storage and transfer of pragmatic information and the creation of a cultural and historical context.

Key words: *verbal imagery; meta-language of science; scientific style; metaphor; background term; V.V. Vinogradov.*

Используя системно-структурный принцип научного описания, академик В.В. Виноградов везде стремился увидеть «замкнутое в себе явление» как «особого рода целостную структуру» [Виноградов 1980: 70]. Одна из метафорических идиоглосс языка В.В. Виноградова — «замыкать» в значении «приводить к целостному восприятию языковой действительности». Самая известная книга ученого по морфологии «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947) была охарактеризована современниками как «изложение новых идей, целостных оригинальных концепций по всем центральным проблемам

грамматики» [Академик В.В. Виноградов 1970: 6]. Новую категорию художественного текста — «образ автора» — Виноградов увидел как «сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств», в которой «ярче всего выражается стилистическое единство композиционного целого» [Виноградов 1959: 154]. Помимо предметно-логической сущности, называемой термином и раскрываемой методом описания системных свойств, Виноградову был важен сам способ представления явления, его словесный образ, поскольку очень сложными и предельно новаторскими были решаемые им в середине XX в. вопросы. Образно-метафорическая и фразеологическая системы научного языка Виноградова способствовали восприятию образа науки, или, по выражению А.П. Чудакова, «светлого поля сознания», в котором язык представлялся ученому «во всех ипостасях разом. Обладая таким стереоскопическим зрением, он видел жизнь каждого факта языка во всех ярусах языковой системы; иногда кажется, что и всю языковую систему в целом» [Чудаков 1995: 9]. История становления и развития научной фразеологии и образных парадигм Виноградова — предмет отдельной работы. Целью настоящей статьи является анализ образно-метафорической обработки ключевых терминов

Наталья Владимировна Халикова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка

E-mail: vltsd@yandex.ru

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

ул. Веры Волошиной, д. 24, Мытищи, Московская область, 141014, Россия

Moscow State Regional University

24 str. Very Voloshinoy, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Халикова Н.В. Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В.В. Виноградова // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66.

созданной им науки о языке художественно-литературы — *язык, речь, стиль*.

Виноградов особым образом «видел» проблемное ядро описываемых им систем, «белые пятна в них», часто в самом начале научного рассуждения (обычно во введении, первом параграфе книги) говоря о «сплетении», «клубке», «узле», требующим от него «распутывания» — решения. Редко, когда книга, особенно в начале научной деятельности (20-е гг. XX в.), не открывается ярким словесным зачином:

Гоголь как художник слова — это тема историко-литературного исследования, которое почти не начато. В нее, *как в большой спутанный клубок, вплелось* множество побочных проблем. Некоторые из них *уходят далеко за пределы творчества Гоголя...* [Виноградов 1976: 191].

За традиционными во введении словесными образами «клубка» обозначенной проблемы и идущего за ним «по трудному пути» исследования ученого ассоциативно ощущается фольклорный зачин с его триединым началом и вещим камнем на распутье. «Изучение индивидуально-поэтического стиля *может направиться по трем путям*», — типичное для Виноградова начало, открывающее «Этюды о стиле Гоголя» [Там же: 231].

Предпосылкой образности является традиционная философия языка, основные положения которой ученый находил в классической русской словесности, работах русских ученых XIX — начала XX в. «В основе воззрений академика В.В. Виноградова лежала философия языка и речевой деятельности как самостоятельной, огромной и пребывающей в постоянном движении сферы духа. Он не писал специальных работ на такие темы. <...> Но в любой работе <...> общая виноградовская философия языка присутствует в качестве второго плана» [Чудаков 1989: 32]. Одним из устойчивых выражений («фразеологических осколков», по его меткому выражению) было «дух и стиль» писателя (эпохи, направления, языка).

Виноградов выработал особый стиль филологического рассуждения, где на первом плане были элементы терминологической системы, а на втором, субъективном плане — исследовательские ценности и индивидуально-авторская научная картина мира. Стилистически естественная манера образного письма в 30–50-е гг. XX в. требовала от ученого некоторого усилия. «Второй план» как раз сберегал «дух филологии». Образ

исследователя в его текстах формировался на базе так называемой «референции говорящего», понимаемой как представленный в научных парадигмах и концептах социокультурный тип мышления [Руденко 1992]. В научных работах Виноградова трансформировалось научное безличное «мы» и возникла скрытая категория «образа исследователя», мысль которого «была пронизана пафосом любви к родной словесности и ее лучшим представителям, подняла на должный пьедестал забытые советской наукой имена славянских просветителей и филологов-классиков XIX века, “консервативных” писателей, убеждала читателей в непреходящей ценности русского языка как основы национальной культуры» [Никитин 2015: 116].

Образ исследователя вариативен: это эмоциональный повествователь, философ-лирик, тонкий аналитик, лектор-собеседник. Общим принципом является восприятие действительности в «двуплановом» слове. Из письма Н.М. Малышевой: «Мне кажется, что под тусклой и грязной поверхностью жизни течет чистая вода. Минутами (это трудно выразить простыми словами) я переживаю процесс погружения в глубину. Свежие, прозрачные струи тогда охватывают меня, и сквозь них я радостно вижу ключевой хрусталь» (5 марта 1927) [Виноградов 1995, Электронный ресурс]. Именно поэтому Виноградову часто удаются своеобразные «стихотворения» в научной прозе, насыщенные фигурами речи (гиперболами, градацией, амплификацией, периодами, сравнениями и др.), особенно там, где вводится совершенно новый метод или предмет исследования. Вот один из примеров:

Стилистика выростала, *как дикий бурьян*, на границе между лингвистикой и историей литературы. *Сквозь нее проходило много исследователей*, но специально ее, как особую науку, *выделяли* лишь те из них, кто занимался философией языка, эстетикой слова и историей литературной речи. <...> И почти каждая стилистическая проблема *балансирует на канате, протянутом* от литературных дисциплин к лингвистике. Эти колебания, это раздвоение редко бывали плодотворными [Виноградов 1980: 42].

В стадии формирования индивидуальной картины мира метафоричность — неотъемлемое условие научного текста. «Научная картина мира есть проекция научной парадигмы на мир здравого смысла посредством метафоры, и прием

этот — потребность человеческого мышления, оперирующего одновременно абстракциями и образами» [Никитина 2014: 37].

Термины-универсалии в метаязыке Виноградова можно назвать ключевыми, основными научными концептами. Это «язык», «слово», «стиль», «символ», «образ автора». По оригинальному выражению В.В. Колесова, в языке такое слово проходит в своем развитии «ментальный цикл»: образ — понятие — символ — концепт [Колесов 2012: 112]. На первом плане метаязыка и текста они выступают как термины индивидуальной теории (*стиль, прием, синтаксис, слово, символ* и т.д.). На «втором плане», имея множество дефиниций, выраженных зачастую и в риторической форме, они включаются в сложную игру образных переосмыслений, развивают многозначность вокруг своего семантического ядра, вступают в синонимические отношения, в разной степени абстрагируются, формируют вокруг себя образно-метафорическое пространство. Все эти процессы могут стать предметом отдельного исследования.

В метаязыке Виноградова в кругу какого-либо концептуального понятия (например, «стиль») выделяются: 1) определенно осознаваемые термины (*стиль, речь, фразеологическая единица, символ*); 2) фоновые термины¹ (*речевой строй, церковнославянская стихия*); 3) метафорические термины (*дух языка, речевая струя, стилистический излом, побеги* (ответвления) *стиля, острый эпитет, фразеологические осколки*). Ключевые термины образуют устойчивые метафорические (образные) парадигмы² из множества единиц, которыми Виноградов пользуется на протяжении десятилетий.

Тип виноградовской метафоры — корневая, гипотетическая, когнитивная. Ее функции: во-первых, экспликация и импликация глубинных, интуитивно угадываемых

смыслов; во-вторых, «...приблизить к восприятию человека ненаблюдаемый объект и выразить предположение, а не опыт» [Никитина 2014: 39].

Создаются пересекающиеся смысловые ряды:

Язык — путь, пространство, водный поток, почва, организм, растение...

Стиль — пространство, поле, почва, рисунок, цветок, водный поток...

Речь — ткань, пространство, водный поток...

Метафорические парадигмы *язык — пространство, водный поток, организм, тектонический сдвиг* или *речь — ткань* являются базовыми универсалиями для всего филологического дискурса, входят в метаязык всех филологов. Но в языке Виноградова их восприятие и сочетаемость приобретают характер индивидуальной устойчивости и воспроизводимости. Так, в книге «Поэтика русской литературы» парадигма, наряду с частотными и типичными (*пространство, поток, почва*), включает следующие взаимосвязанные образы-доминанты: *речь — ткань* (в связи с чем Виноградов называет Гоголя «тряпичником»), *стиль — рисунок* (*картина, набросок, штрихи*), *творчество — строительство, зодчество* (*здание*). Приведем примеры приемов образной индивидуализации:

И первая поэма Гоголя <...> спаяна из чужих и разнородных кусков, которые прозрачными швами сшиты в одно пестрое одеяло. <...> рисует Гоголя как ловкого «тряпичника», шивателя разных литературных форм и жанров... [Виноградов 1976: 211];

Новые стилистические узоры чертились по гоголевской канве [Там же: 227];

Кроме того, Пушкин с середины двадцатых годов начинает чертить новый стилистический узор по чужой канве [Виноградов 1941: 243].

Функционально-стилистические типы речи на протяжении многих десятилетий устойчиво ассоциировалась с *водным пространством*, где всплывает проблема рассказчика, словесный *поток* вводился писателем *в русло*, в *стихии* живой устной речи можно *затонуть*, стилистика — *резервуар*, откуда *черпают* краски, и т.д. *И над всеми этими противоречиями гремит лингвистический гром!* [Виноградов 1980: 44]. Стиль, язык и речь ассоциируются также и с *пространством, почвой, полем*. А.П. Чудаков сказал, что от Ломоносова Виноградов взял идею языка-стихии и языка-поля, от

¹ Е.С. Никитина говорит о двух словарях (слоях) терминов в текстах высокой книжной научной культуры: 1) «термины, с которыми ученый работает, это элементы его проблематики; здесь необходима полная осознанность и определенность употребления терминов»; 2) «фоновый слой, это термины, без которых можно обойтись, создавая научный текст, но они не находятся в фокусе внимания автора; их использование до некоторой степени сходно с употреблением слов обиходного языка» [Никитина 2014: 28].

² Термин Н.В. Павлович [Павлович 1995].

Гумбольдта идею тектонических разломов, геологических сдвигов, слома [Чудаков 1989: 31–32].

Одна и та же корневая метафора градуируется в пределах образной парадигмы: исторические процессы стиля — это *стихия, сфера, микрокосм*; отдельные явления — *реки, потоки, поле*, конкретные символы — *цветник, сорняки, ручейки, струи*, даже — *брызги* [Виноградов 1980: 247].

Таковы метафорические модели в предисловиях и заключениях виноградовских статей и книг о стилях. Это традиционные символические значения с глубокой положительной коннотацией, с заложенными в эти образы идеями созидания, победы в трудной борьбе, энергии, которую дает природа, расширения пространства, света — символов, которые есть в каждом тексте русской словесности. Виноградов щедро применяет при этом воздействующие приемы риторики и поэтики: повторы, анафоры, амплификацию, гиперболы. Метафорические импликации позволяли ученому «сомкнуть», например, пушкинский «образ автора» и современный, идеологически ориентированный образ «борьбы» советского общества, избегнув при этом вульгаризации в научной стилистике 30-х гг. XX в. Заключение книги «Стиль Пушкина» было написано в победном жизнеутверждающем тоне в то время, когда нарастала внутренняя тревога автора за свою судьбу:

От пушкинского лирического стиля идут победы и ответвления в самых разнообразных направлениях: и к Лермонтову, и к Некрасову, и к Кольцову <...>. И действительно, в пушкинском стиле — зерно многих художественных приемов Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого и Чехова. Самые далекие и враждебные стили проистекли из одного источника, так как такого разнообразия и богатства стилистических форм, как у Пушкина, не было ни у одного поэта. <...> Здание русского литературного языка и русской литературы возводилось Пушкиным на глубоко национальной основе, с привлечением художественного опыта, техник и материалов западноевропейских литератур [Виноградов 1941: 619].

Образная парадигматика важна при анализе концептуального термина-полисеманта. В теории о языке художественной литературы *стиль* является наиболее частотным (в сравнительном отношении к *языку* и *речи*), входит в название серии книг (в работе

«Стиль Пушкина» корневая морфема *стил*-упоминается более тысячи раз). Взгляды Виноградова на многочисленные семантические варианты базового термина отражаются в статьях специальных литературоведческих словарей [Поэтика 2008: 247–249; Болотнова 2009: 211]. Виноградов различал *стиль автора, стиль произведения, стиль языка, стиль речи (героя), литературный стиль*. Семантическая структура универсального образа включает аллосемы, позволяющие создавать переходные варианты значения научных концептов «язык», «речь», «стиль». Приведем примеры «водной образности»:

Пушкин, прежде всего, произвел новый, оригинальный синтез тех разных социально-языковых *стихий*, из которых исторически складывается система русской литературной речи. <...> элементы живой русской национально-бытовой речи, *широким потоком хлынувшие в стиль* Пушкина с середины двадцатых годов [Виноградов 1941: 5];

Чтобы убедиться, какую *широкую и свежую волну* не только народно-поэтических формул, но и простонародно-бытовых *выражений* и их комбинаций с книжной фразеологией *нес этот поток народной словесности и ее стилистических имитаций в литературную речь*, достаточно привести несколько примеров из «Песен западных славян» [Виноградов 1935: 451].

Как видим, признаком «текучести» Виноградов не «украшает» научную речь, но всегда вводит его при многоаспектном описании семантики речевых единиц, языковых пластов, стилистических структур в целом:

Во многих художественных конструкциях — разнородные эмоционально-смысловые волны *наплывают на данные символы* — особенно на стержневые — последовательно, по мере развертывания словесных рядов [Виноградов 1980: 248].

Семантическая структура образа научного концепта «стиль» включает следующие основные образные значения:

1. Стиль — пространство, сферы, область, круг (в отличие от «языка» — *пути*, по которому в этом пространстве движется автор). Стиль — это локус, вбирающий и притягивающий семантические и стилистические «события» и «предметы»:

Путь Пушкина от стиха к прозе *пролегает в области повествовательных форм* [Виноградов 1980: 176];

Стиль — понятие *широкое* и многозначное. *Я подхожу к стилю Пушкина со стороны лингвистики* [Виноградов 1941: 3].

Это значение наиболее частотно. Рассматриваемые явления и единицы с той или иной степенью динамичности *вносятся, исчезают, появляются, стираются, перемещаются, существуют, переплетаются* в нем. Поэтому так важны для описания стиля *границы и пределы*. Пространство с его границами, пограничными зонами и безграничностью поля воплощает идею поиска идеальной формы:

Имперфект в пушкинском стиле выполняет функции *пограничной черты*: он *устанавливает пределы* той временной сферы, в которую замкнуты отрезки сюжетного действия [Виноградов 1980: 232].

1.1. Стиль — почва, поле. Метафора отражает идею возникновения (зарождения) и развития (произрастания) той или иной стилистической единицы, категории:

Эти стилистические нормы речевого коллектива или жанра — *то поле, на котором вырастают* индивидуальные отличия [Виноградов 1980: 239];

Нужно помнить, что в стилистических формах, как и везде в сфере речи, границы *представляют собою пестрое поле* смешанно-пограничных типов [Там же: 241].

1.2. Стиль — растение:

Ростки индивидуального пушкинского стиля до 1816—1817 годов с трудом пробиваются и проступают сквозь заросли различных литературных традиций, *сквозь* характерную для юности великого поэта *пестроту разностилья* (ср.: *разнотравье*. — Н.Х.) [Виноградов 1941: 120];

Но и у этих писателей *национально-речевые корни прозаического стиля* были не очень глубоки и недостаточно демократичны [Там же: 516].

1.3. Стиль — стройка, перестройка:

Перелом в самом повествовательном стиле <...> не мог не отразиться и на *приемах строения* повествовательного диалога, усиливая их бытовую характерность [Там же: 213].

1.4. Стиль — водное пространство, поток:

Вместе с тем в стиле этого былинного цикла *широко и свободно вливаются* церковно-славянские формулы, характеризующие христианскую культуру славянства [Там же: 234];

Современная поэту критика заметила этот *прибой образно-идеологической волны* «славенизмов» в стиле «Полтавы», но не сумела истолковать их как форму исторической стилизации... [Там же: 143].

II. Стиль — субъект процесса, движения, сила, интенция. В этом качестве стили *вступают в борьбу, одерживают победы, стремятся к чему-либо, проигрывают*:

Таким образом, *Пушкин на своем стилистическом пути на короткое время встречается с Жуковским, идет общей с ним дорогой* — тогда, когда перед великим поэтом возникла задача создания новых форм экспрессивного синтаксиса [Виноградов 1941: 305];

Пушкин уже в начале двадцатых годов *объявляет войну* описательному, манерному стилю карамзинистов [Виноградов 1941: 19].

III. Стиль — рисунок, эскиз, набросок, контур:

В рассказе Томского развиваются и реализуются те стилистические «тенденции, которые *эскизно намечены* авторским вступлением и ярко выражены в дальнейшем течении повести (СПД: 204);

В самих приемах подбор и сочетания фраз еще трудно *наметить вполне четкую и твердую стилистическую линию*. Более или менее резко *обозначаются лишь общие семантические контуры* анакреонтического, эротического и элегического стиля [Виноградов 1941: 121].

IV. Стиль — орудие, слово — заряд:

...с конца 10-х годов до середины 20-х годов, многообразные стили мировой литературы *представляли боевой арсенал* освоенных поэтом художественных форм [Виноградов 1980: 238];

...в трагической недоговоренности, эллиптичности стиля *заложена взрывчатая сила* эмоционального заряда [Виноградов 1980: 84].

V. Стиль — тайна, скрытое:

Стилистическая *затаенность* этого восхищения... [Виноградов 1941: 58].

VI. Стиль — материал, вещество:

Субъектно-экспрессивная *ломкость* повествовательного *стиля* была связана с преобразованием структур предложений [Там же: 364];

Становилась иной стилистическая характеристика слова. *Ломались нормы* его употребления. *Стили смешивались* [Виноградов 1935: 317].

Как видим, образность научного мышления отнюдь не экспрессивное «украшение речи», она является неотъемлемым признаком языковой личности Виноградова и проявляется в одинаковых фразеологических сериях в частных письмах, выступлениях, рецензиях, статьях. Полипарадигматичность

и полифункциональность научной образности помогает создавать, хранить и передавать большой объем прагматической информации, что является результатом общего «видения» Виноградовым общего в частном, системных свойств в многомерных речевых структурах, осмысление которых в историческом и диахроническом аспектах требовало напряженной интеллектуальной работы исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

Академик Виктор Владимирович Виноградов // Вопросы языкознания. — 1970. — № 1. — С. 6–19.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. — М., 2009.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / послесл. А.П. Чудакова: коммент. Е.В. Душечкиной и др. — М., 1980. — Т. 5.

Виноградов В.В. Письма Н.М. Виноградовой-Малышевой // Новый мир. — 1995. — № 1. — С. 157–170 [Электронный ресурс]. — URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/pub_soob.html (дата обращения: 14.04.2018).

Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / отв. ред. М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. — М., 1976. — Т. 4.

Виноградов В.В. Стиль Пушкина. — М., 1941.

Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. — М.; Л., 1935.

Колесов В.В. Концептология: учебное пособие. — Кемерово, 2012.

Никитин О.В. В.В. Виноградов. Великий русский язык // Русская речь. — 2015. — № 6. — С. 114–119.

Никитина Е.С. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / отв. ред. Н.А. Слюсарева. — М., 2014.

Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. — 2-е изд. — М., 1995.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. — М., 2008.

Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингво-философские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. — 1992. — № 6. — С. 19–35.

Чудаков А.П. О характере научной медитации и стиля В.В. Виноградова // Русская речь. — 1989. — № 6. — С. 31–36.

Чудаков А.П. Семь свойств научного метода Виноградова // К 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. — М., 1995. — С. 9–15.

REFERENCES

Akademik Viktor Vladimirovich Vinogradov, in *Voprosy yazykoznaniya*, № 1, 1970, pp. 6–19.

Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus*, Moscow, 2009.

Vinogradov V.V. *O yazyke hudozhestvennoi literatury*, Moscow, 1959.

Vinogradov V.V. *O yazyke hudozhestvennoi prozy: Isbrannye trudy / poslesl. A.P. Chudakova, komment. E.V. Dushechkinoi*, Moscow, 1980, vol. 5.

Vinogradov V.V. Pis'ma N.M. Vinogradovoi-Malyshevoi, in *Novyi mir*, 1995, № 1, pp. 157–170, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mir/1995/1/pub_soob.html

Vinogradov V.V. *Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy / Otv. red. M.P. Alexeev, A.P. Chudakov*, Moscow, 1976, vol. 4.

Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina*, Moscow, 1941.

Vinogradov V.V. *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka*, Moscow, Leningrad, 1935.

Kolesov V.V. *Kontseptologiya: uchebnoe posobie*, Kemerovo, 2012.

Nikitin O.V. V.V. Vinogradov. Velikii russkii yazyk, in *Russkaya rech'*, 2015, pp. 114–119.

Nikitina E.S. *Semanticheskii analiz yazyka nauki: Na materiale lingvistiki / Otv. red. N.A. Slusareva*, Moscow, 2014.

Pavlovich N.V. *Yazyk obrazov: paradigm y obrazov v russkom poeticheskom yazyke*, 2nd issue, Moscow, 1995.

Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatii / gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko, Moscow, 2008.

Rudenko D.I. *Kognitivnaya nauka, lingvofilosofskie paradigm y i granitsy kultury*, in *Voprosy yazykoznaniya*, 1992, № 6, pp. 19–35.

Chudakov A.P. *O haraktere nauchnoi meditatsii i stile V.V. Vinogradova*, in *Russkaya rech'*, 1989, № 6. pp. 31–36.

Chudakov A.P. *Sem' svoystv nauchnogo metoda Vinogradova*, in *K 100-letiyu so dnia rozhdeniya akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova*, Moscow, 1995, pp. 9–15.